

Лифт спустился на подземную парковку, и Юй Нянь с первого взгляда заметил черный внедорожник Се Ю. Быстро подойдя, он открыл дверцу, сел на заднее сиденье и с улыбкой произнес:

— Давно не виделись!

В салоне вовсю работала печка, поэтому Юй Нянь сразу же снял куртку. Белый свитер с глубоким V-образным вырезом приоткрывал его кожу, белую, словно фарфор, и изящные ключицы.

Се Ю на мгновение задержал на нем взгляд, но тут же отвернулся. Его лицо слегка горело.

«Наверное, в машине слишком жарко, — подумал он. — В конце концов, властные боссы не краснеют!»

Новогодний спецвыпуск

Шэн Линъи достала новую одежду из деревянной шкатулки, украшенной резьбой в виде веток сливы, и помахала Юй Няню:

— Няньнянь, иди сюда. Я забрала твою новую одежду у Дедушки Бая. Примерь, посмотрим, подходит ли по размеру.

Юй Нянь подошел к Шэн Линъи и послушно поднял руки:

— Бабушка, как поживает Дедушка Бай?

— У него все хорошо. Когда я забирала одежду, он передал для тебя ароматное саше с цветами сливы. Сказал, что специально выбрал нежный цвет, который будет отлично смотреться и на мальчике. — Застегнув пуговицы на одежде Юй Няня, Шэн Линъи отступила на пару шагов назад и улыбнулась: — Как красиво! После праздника наш Няньнянь станет на год старше.

С этими словами она достала приготовленный конверт с деньгами и бережно опустила его в сумочку Юй Няня:

— Пусть наш Няньнянь растет здоровым и живет в мире и благополучии.

— Я тоже желаю тебе здоровья и благополучия, бабушка! — Кожа Юй Няня была светлой и нежной, а темные глаза блестели от чистоты. Он слегка склонил голову набок: — Бабушка, дедушка сидит в кабинете безвылазно уже целых три дня. Может, позовем его?

Шэн Линъи взяла Юй Няня за руку:

— Не обращай на него внимания. Твой дедушка на днях купил свиток «Переезд». Сейчас он на седьмом небе от счастья, совсем забыл про сон и еду. Вот налюбуется вдоволь — сам выйдет.

Юй Нянь сжал ее теплую ладонь, немного подумал и серьезно произнес:

— Бабушка, мне уже целых семь лет, я уже большой. Меня не нужно держать за руку.

Шэн Линъи весело щелкнула его по носу и ласково улыбнулась:

— Хорошо-хорошо, наш Няньнянь уже вырос. Но это бабушка хочет поддержать своего Няньняня за руку, можно?

Юй Нянь, сдерживая улыбку, ответил:

— Конечно можно!

Они вошли в маленький кабинет Юй Няня, где Шэн Линъи прижала прессом красную бумагу для новогодних парных надписей:

— В этом году, как и всегда, праздничные надписи будешь писать ты, Няньнянь.

— Хорошо, — кивнул Юй Нянь. Из-за маленького роста ему пришлось встать на низкую скамеечку, чтобы дотянуться до стола и взять кисть. Обмакнув ее в тушь, он повернул голову:
— Бабушка, что мы напишем в этот раз?

Шэн Линъи стояла у стола. Ее волосы были аккуратно уложены в прическу, а на запястье красовался полупрозрачный нефритовый браслет чистейшей воды, подчеркивая изящество руки и белизну кожи. Поправив выбившуюся у виска прядь, она с улыбкой ответила:

— Пиши все, что твоей душе угодно.

Юй Нянь кивнул и, не задумываясь, вывел кистью: «Весенний ветер, весенний дождь, весенние краски. Новый год, новые лета, новые пейзажи».

— Как красиво! Почерк у нашего Няньняня становится все лучше и лучше.

От похвалы Юй Нянь немного смутился:

— Мне еще не хватает твердости в руке, линии и структура иероглифов выходят слишком слабыми.

— Это потому, что ты еще маленький, и сил у тебя маловато. Писать так в твоем возрасте — уже огромное достижение. — Шэн Линъи взяла готовые парные надписи и иероглиф «счастье», после чего вместе с Юй Нянем отправилась к воротам, чтобы наклеить их по обеим сторонам от входа.

— Ну вот, стоило повесить праздничные надписи и иероглиф «счастье», как сразу почувствовалось приближение Нового года! — Шэн Линъи снова улыбнулась. — Надеюсь, в этом году никто не придет посреди ночи, чтобы тайком сорвать наши надписи и утащить к себе домой?

Юй Нянь согласно кивнул.

Бабушка рассказывала ему, что раньше дедушка всегда сам писал новогодние пожелания. Однако поклонники его таланта каждый год тайком сорвали их и уносили домой как сокровище. В итоге дедушке приходилось писать по семь-восемь комплектов за раз. Позже, когда Юй Нянь научился держать кисть, дедушка с облегчением переложил эту обязанность на его плечи, предоставив внуку полную свободу творчества.

Лишь после этого праздничные надписи на воротах наконец-то стали доживать до самого Праздника фонарей.

Когда они вернулись во двор, из кухни вышел Шэнь Вэй:

— Госпожа, молодой господин, угощения для подношения предкам уже готовы, суп томится на огне. Нужно ли сегодня к обеду накрывать на стол для господина?

Шэн Линъи только собиралась ответить, что не нужно, как издали донесся голос Юй Сюнина:

— Мое затворничество окончено, так что приборы для меня, разумеется, понадобятся.

Услышав его голос, Юй Нянь обернулся, и его глаза радостно заблестели:

— Дедушка!

Юй Сюнин подошел, наклонился, подхватил Юй Няня на руки и высоко поднял, весело рассмеявшись:

— Ого! А наш Няньнянь-то, кажется, прибавил в весе?

Юй Нянь крепко вцепился в рукав дедушки и тихонько напомнил:

— Дедушка, мне ведь уже семь лет.

— Ах, какая у меня память! — Юй Сюнин хлопнул себя по лбу и рассмеялся: — Хорошо-хорошо, Няньнянь уже вырос и стал совсем взрослым семилетним другом.

Юй Нянь потянул дедушку за руку и с любопытством спросил:

— Дедушка, а бабушка сказала, что ты рассматриваешь свиток «Переезд». Что же на нем изображено?

Неся внука на руках в сторону кабинета, Юй Сюнин терпеливо объяснил:

— Как и следует из названия, «Переезд» — это картина, на которой показано, как люди перебираются на новое место.

— Переезжают?

— Именно так. Вот только человек, который переезжает, совсем не простой. Это сам император.

Юй Нянь мгновенно догадался:

— Это император Вэнь-ди династии Ци, верно?

— Верно, он самый. В свое время император Вэнь-ди династии Ци забросил государственные дела и приблизил к себе коварных льстецов. В конце концов мятежники подошли к самым стенам дворца, и ему пришлось спешно спасаться бегством. На этом свитке как раз и запечатлен момент, когда император в спешке покидает свой дворец.

Подойдя к письменному столу, Юй Сюнин усадил Юй Няня на стул, чтобы тот мог рассмотреть бережно хранящийся свиток «Переезд».

— Автора этой картины ты знаешь — это Ван Мэн, один из четырех великих мастеров конца эпохи правления императора Вэнь-ди. Его дошедших до нас работ крайне мало, и каждая из них представляет огромную ценность. К тому же посмотри на эти надписи-послесловия: на протяжении сотен лет свои автографы здесь оставляли императоры, полководцы и министры. Историческая ценность этого свитка невероятно велика.

Видя искренний восторг в глазах дедушки, Юй Нянь спросил, понимая лишь наполовину:

— Это то, о чем ты говорил раньше, дедушка? Запечатлеть историю в картине и рассказать о ней в послесловиях?

— Именно так. Я купил его на аукционе, даже не раздумывая. А когда вернулся домой и твоя бабушка об этом узнала, она назвала меня транжирой и в наказание лишила мяса на целых три дня. Какая жалость!

— Заслуженное наказание, — согласился Юй Нянь, а затем понизил голос и заговорщически прошептал: — Но ты не расстраивайся, дедушка. Я тайком припрячу для тебя куриную ножку!

Юй Сюнин просиял от радости:

— Вот и отлично! Тогда в ближайшие дни вся надежда только на твои куриные ножки.

Снова переведя взгляд на картину, Юй Нянь спросил:

— Из-за этого она стоит так дорого?

— Не только. Позволь мне сначала спросить тебя: как ты думаешь, зачем в нашем доме хранятся все эти кувшины и вазы, старые письма, дневники, разнообразные картины, свитки, руководства по игре в го и прочие книги?

— Чтобы пользоваться ими в повседневной жизни, а еще чтобы лучше узнать наших предков, — с улыбкой ответил Юй Нянь. — Недавно я листал в кабинете одну старую книгу и наткнулся на заметки прапрадедушки. Он написал на полях, что автор рассуждает о высоких материях, а на деле ни черта не смыслит.

Юй Сюнин заливисто расхохотался:

— Ха-ха-ха, точно! Твой прапрадедушка всю жизнь отличался бунтарским нравом, никогда не лез за словом в карман и не боялся высказывать свое мнение. Но эрудиция у него была выдающаяся.

Погладив Юй Няня по голове, Юй Сюнин продолжил:

— Вот видишь. Благодаря вещам, которые передавались в нашей семье из поколения в поколение, ты узнал, что твой прадедушка любил ставить летний зеленый бамбук в вазы с парными ручками, а прапрадедушка обожал делать заметки на полях и делиться своими мыслями. Точно так же благодаря культурным ценностям, которые с таким трудом удалось сберечь, мы можем понять, какими были мысли наших предков, как они жили, как смотрели на мир и как познавали самих себя.

— Культура — это корни народа.

Юй Нянь кивнул:

— Поэтому ты, дедушка, готов три дня сидеть без мяса, лишь бы выкупить этот свиток?

— Да. И не только три дня — я бы согласился не есть мяса три года или даже всю жизнь, если бы это потребовалось!

Юй Нянь сжал дедушкин палец и кивнул:

— Угу, я тоже.

Устроившись поудобнее на сиденье, Юй Нянь перевел взгляд на правую руку Се Ю:

— Как твоя рана?

— Намного лучше. Не могу пока сильно нагружать руку, но в остальном все в порядке, — Се Ю немного помолчал и сдержанно поинтересовался: — А у тебя как дела? Сильно занят?

В салоне витал легкий аромат кедра, и Юй Нянь невольно расслабился. Повернувшись к Се Ю, он ответил:

— Да, дел невпроворот. Сейчас идет продвижение альбома, так что график очень плотный. За последние дни я дал четыре интервью — и журналам, и видеоплатформам, снялся для обложки, поучаствовал в двух развлекательных шоу. Кручусь как белка в колесе. Завтра лечу в Ечэн на автограф-сессию, а во второй половине дня нужно присутствовать на мероприятии бренда минеральной воды «Фунаши».

Заметив тень усталости на его лице, Се Ю мягко произнес:

— Хочешь немного поспать? До места ехать еще долго.

<http://bllate.org/book/18301/1756998>